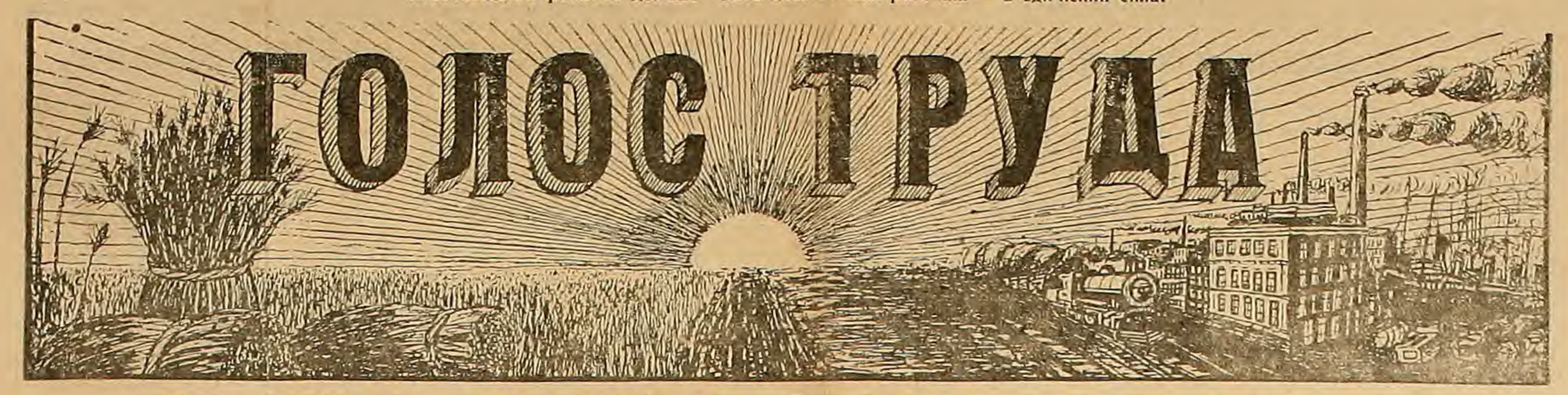
Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. — В единении сила!



ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ Ю. АМЕРИКИ.

"GOLOS TRUDA"
Organo de la Federación Obrera Rusa Sud-Americana

Год 11-ый. | BUENOS AIRES, 1 DE JULIO DE 1928. | Dirección: CORREO CENTRAL, CASILLA 1752 | № 287

БАКУНИН — АНАРХИСТ.

1876 — 12 ИЮЛЯ — 1928

"Свобода — неделима; нельзя урезать часть не убив целого". **М. А. Бакунин.**

О Бакунине как о революционере, как о бойце бывавшем всегда там, где массы возмущались, воставали и боролись против власть имущих и привиллегированных, знают многие. Его участие в революционных выступлениях и в национальных движениях в Праге, Саксонии, Италии, Франции, его нравственное участие во всяком крупном общественном движении середины 19-го века описывались, рассказывались и перерасказывались. Одни хвалили его, другие поносили, но все говорили почти всегда о Бакунине революционере, — все говорили о великом интернациональном бунтаре. Но как об анархисте почти всегда о нем говорили мало и как о таковом почему - то старались даже вообще не говорить. Иногда и где нибудь бросали, вскользь, одну или другую ходячую фразу приписываемую Бакунину; хотя часто эта фраза принимала другой вид и имела смысл далекий от того, который давал ему сам Бакунин.

О его же анархических идеях, которые захватили его к концу его жизни, о его взглядах на жизнь, на общество, на революцию, на роль масс в ней, о той экономической базе новой общественности, которую проповедывал этот великий бунтар мысли и духа, об этом, даже многие, которые претендуют быть его последователями, стараются не говорить. Ибо Бакунин, как анархист был далек, и теперь далек, от всех тех, кто из общечеловеческого движения пересоздания общественной жизни и из прекраснейшего идеала любви и взаимного уважения человека человеком, хотят сделать политическую идею руководства и верховодства одной группы, партии, класса или слоя над всеми остальными человеческими массами.

Но предоставим говорить самому Бакунину. Приведем, в выдержках, сущность его анархических взглядов, которые говорят лучше всяких слов, и подлинно отражают, в синтезе, его анрхическое мировозрение и его взгляды на все важнейшие общественные вопросы, особенно его взгляд на революцию и роль в ней личностей и групп.

"Для того, — говорит Бакунин в Бог и Государсво — чтобы избавиться от своей судьбы, народ имеет три средства: два фантастических и одно реальное. Первые два средства это — кабак и церковь, третье социальная революция." "Спасение — говорит он в другом месте возможно только посредством социальной революции", т. е. посредством "уничтожения всех учреждений неравенства и установления экономического и социального равенства".

Но, "революции — говорит Бакунин в своей Политике Интернационала — не импровизируются, они не делаются по воле отдельных личностей, ни даже самых могущественных ассоциаций. Они независимо от всякой воли и от всякого заговора всегда происходят в силу хода самых вещей. Их можно предвидеть, иногда предчувствовать их приближение, но никогда нельзя ускорить их взрыва".

Причем... "чтобы произвести коренную революцию, надо подкосить самый порядок вещей, разрушить собственность и государство, тогда не придется уничтожать людей и подвергать себя неминуемой реакции, которую повсюду и всегда вызывала резня людей."

Ибо "под революцией — писал Бакунин — мы понимаем взрыв страстей, называемых злыми, и уничтожении всего, что на современном языке называется общественным порядком".

И Революция, по мнению Бакунина, разразится не против людей, а против условий и предметов.

"Кровавые революции — писал он — часто необходимы вследствии человеческой глупости, но они постоянно зло, страшное зло и большое несчастье не только из за жертв, но и вследствие чистоты и совершенства цели, во имя которой оне совершаются." Поэтому "для того чтобы революция увенчалась успехом, она должна быть направлена не против людей, а против учреждений, а именно против собственности и ее неизбежного последствия государства".

"Социализм не жесток, — пишет Бакунин в другом месте — он в тысячу раз человечнее якобинства, я хочу сказать политической революции. Он нисколько не помышляет против личностей, даже самых зверских, прекрасно зная, что все люди, дурные или хорошие, лишь неизбежный продукт того социального положения, какое создали им общество и история. Социалисты, (В то время анархисты тоже называли себя социалистами.) правда, не могут, конечно, помешать чтобы в первые дни революции, в порыве гнева, народ не истребил несколько сотен лиц среди наиболее гнусных, наиболее яростных и наиболее опасных; но когда этот ураган пройдет, они со всей своей энергией будут противиться хладнокровно организованной политической и юридической лицемерной резне.

"Социализм будет вести безпощадную войну против "социальных положений", не против людей; и когда эти положения будут уничтожены, люди, занимавшие их, обезоруженные и лишенные всех средств практически действовать, станут безвредными и гораздо менее сильными, уверяю вас, чем самый невежественный рабочий, ибо их теперешняя сила заключается не в них самих, не в их внутренних присущих им качествах, а в их богатстве и поддержке государства."

"Социальная революция, стало быть, не только пощадит их, но поборов их и лишив оружия, поднимет их и скажет им: "Теперь, дорогие товарищи, когда вы стали нашими равными, принимайтесь за работу вместе с нами. В труде, как и во всем другом, первый шаг труден, и мы по братски поможем вам переступить его.

"Тогда те, кто, будучи крепок и здоров, не захочет зарабатывать себе жизнь трудом, будут иметь право умереть с голоду, если только не захотят вести скромное и жалкое существование на счет общественной благотворительности, которая, конечно, не откажет им в строго необходимом."

(Произведение, том 5, стр. 200—201.)

Так понимал Бакунин социальную революцию и таковой проповедывал ее великий бунтарь миру. Как далеки от этого великого идеала Бакунина, многие старающиеся говорить от его имени

Бакунин был великий бунтарь против гнета и насилия одной части людей другой, в современном обществе, но он был не менее безпощаден и с претензиями тех, кто хотели взять власть и привиллегии из рук буржуазии и передать их в руки революционеров или даже пролетариата.

"Время великих политических личностей прошло, писал Бакунин. Когда дело шло о совершении политических революций, они были на своем месте. Политика имеет целью образование и сохранение государств; но "государство" означает господство с одной стороны и подчинение с другой. Крупные господствующие личности, стало быть, абсолютно необходимы в политических революциях; в социальной же революции они не только бесполезны, они положительно вредны и несовместимы с самой целью, т. е. с освобождением масс."

Не менее горячо выступал Бакунин и против власти или руководства пролетариата во время революции.

"Спрашивается — говорит Бакунин— если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, остается еще другой пролетариат, который будет подчинен этому господству, например, хотя бы крестьянская чернь, как известно не пользующаяся благорасположением марксистов и которая находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом."

Но, "по какому праву рабочие навязали бы крестьянам какую бы то ни было форму правительства или организации? По праву революции, говорят. Но революция перестанет быть революцией, когда вместо того, чтобы вызывать свободные проявления масс, она возбуждает реакцию в их недрах."

"Между революционной диктатурой и государственностью вся разница состоит только во внешней обстановке. В сущности же они представляют обе одно и тоже управление большинства меньшинством во имя мнимой глупости первого и мнимого ума последнего. Никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя. Она способна породить и воспитать в народе, сносящем ее, только рабство. Свобода может быть создана только свободой, т. е. всенародным бунтом и вольной организацией рабочих масс снизу вверх."

Исходя из анархических принципов, он и будущую общественную организацию, так же как и организацию анархических революционных сил, базировал на полоной свободе.

"Скажем раз и навсегда... областной федерализм мог бы быть лишь аристократически-консортейским учреждением, ибо по отношению к коммунам и промышленным и земледельческим рабочим товариществам это было бы опять политической организацией сверху вниз. Истинно народная организация, наоборот, начинается снизу, с товариществ и коммун. Организуя таким образом, снизу верх, федерализм становится... свободной и самопроизвольной организацией народной жизни."

"Организация общества путем свободной федерации снизу вверх рабочих союзов как индустриальных, так и земледельческих, как научных, так и союзов искусства и литературы, сначала в коммуну, потом федерация коммун в области, областей в нации и нации в международный братский союз," вот что проповедывал Бакунин.

Людей в таком обществе будет связывать не высшая власть, а правовая сила договора. "Моя свобода или мое человеческое достоинство состоит в том, что я, как человек, — утверждает Бакунин — имею право никому не повиноваться и поступать по своему усмотрению."

"Человеческая справедливость — говорит Бакунин — не признает вечной обязанности. Все права и обязанности основаны на свободе. Право свободного об'единения и распадения есть самое первое и самое главное из всех политических прав." "Свбода это основание всех прав и обязанностей. Право свободного соединения и разделения — повторяет Бакунин — первое и важнейшее из всех политических прав. Без этого права союз был бы только замаскированной централизацией."

Таковы в синтезе идеи анархиста Бакунина о революции, будущем обществе и формах и методах ее организации.

Бакунин все свое учение базировал на живой активной человеческой личности и базой и основанием для этой активности считал свободное проявления себя этой личности.

В свободе видел Бакунин первое и основное условие для возможности социальной революции, и свободное и добровольное проявление личности считал первым и основным условием для возможности создания новых свободных форм общежития:

Ибо "свобода может быть создана только свободой."

Причем "свобода — неделима; нельзя урезать часть ее, не убив целого."

Жатва.

Перед лицом динамитизации Итальянского консулата мы не противоречим себе ни в одной запятой. Думаем то что думаем: система варварства которой погоняют мир правители будет продолжать эти взрывы. Это они, — своими зверскими насилиями и своим гнилым цинизмом над самыми невыразительными стремлениями народа, его самыми первычными инстиктами свободы и справедливости, — единственные виновники.

Мы не укрываемся, ни отнимаем почву ни у каких подозрений, как бы подлы они ни были. И никогда нас не сможет ранить так глубоко, как нас ранило и терзает печаль в этот момент. Мы хотели бы быть одним из растерзанных этой бомбой!

Да. Быть одним из павших там. Быть разорванным, развеянным и смешанным с обломками и пламенем. И с последним усилием на коленях подползти до этого раненного дитяти — священного как мои собственные дети! — чтобы попросить у него прощение за гнусность людскую. И умереть клянясь ей что это не есть Анархия!

Мы не противоречим себе ни в одной запятой. Мы думаем то, что мы думаем: виновный, кто бы он ни был, есть продукт этой буржуазной системы, бредящей насилием и цинизмом. Это она, эта система, преступник, который погоняет на бойню 10 миллионов человеческих существ, как в прошлой войне; который разрушает дома и храмы, калечит и расслабляет души, это — она. Это она развращает все, загрязняет, одним только видом своим, жизнь, как загрязняет красивую девственницу, чувственный и проказный нищий.

Но эта бомба там, метущая и разрывающая на куски рабочих и детей, что означает это? То что означает чума, которую проповедуют сгнившие своим детям и своим внукам. Жатва буржуазного морального гниения.

Плачут крокодилы наемные убийцы. Мы не плачем. Ни отнимаем тело у какой бы то ни было ответственности. Ибо ничто и никто не смогли бы нас ранить так зверски, как нас ранила и нас терзает печаль в этот момент. Мы хотели бы быть одним из растерзанных этой бомбой.

Родольфо Гонзалес Пачеко.

(из Ла Анторча.)

Анархизм и терроризм.

Были времена, когда, в некоторых местах, терроризм считался самой лучшей анархической активностью, и не только практиковался, но еще и рекомендовался и восхвалялся теми кто называли себя анархистами. Но самую героическую эпоху терроризм пережил в прошлом столетии в России. Нигилистическое движение, с его обширной подпольной организацией, считаясь с тем что всякая общественная деятельность была запрещена, сконцентрировало всю свою активность на терроре.

Но этот терроризм был окончательно иной, чем тот который практикуется сейчас.

Совершались террористические акты, не из желания убить, а по необходимости, и акты не совершались против кого бы то ни было. Покушалось на жизнь того, кого считали что он мешает развитию революционной пропаганды, или против того, кто подписывал приказы о расстрелах рабочих, против тех кто посылал на виселицы и ссылал в Сибирь всех кто говорили о свободе и справедливости.

И те, кто шли на такой акт, были готовы взвалить на себя всю ответственность и последствия, даже если нужно было заплатить ценою жизни. Они были благородны в своем акте и убивали представителя власти, а не человека, потому что они уважали человеческую жизнь и убивали именно тех, кого считали опасными для развития и свободы человеческой жизни.

Смерть Александра 2-го в 1881 году, Боголепова в 1901, Плеве в 1904, великого князя Сергея в 1905, Столыпина в 1911, также как и смерть Фалкона и Варелы, были последствия их преступной и убийственной деятельности; и те, кто совершали эти акты, действовали так потому, что их чувства не могли переносить ужасы творимые их жертвами не могли простить этим зверям смерть многих и многих павших от их руки вся вина которых заключалась в том, что они осмелились просить больше хлеба для своей семьи или больше свободы для своих идеалов.

Чтобы избежать невинных жертв, многие из этих террористов заплатили жизнью — как например Вилькенс — который для того чтобы не убить девочку, бросил бомбу так, что был ранен сам. Другой интересный пример, который характеризует террориста-индивидуалиста и который показывает его как человека мыслящего и чувствующего, а не как вульгарного преступника это — Массач Торент. Может ли быть акт более благородным, может ли быть акт более человечным чем его? Он ненавидел Примо де Ривера как диктатора, как человека, который не должен был бы существовать и, считаясь с его подлой и деспотической работой, он решил уничтожить его. Чтобы избежать других жертв, он решил совершить этот акт кинжалом, потому что таким путем удар был бы более верным. В один прекрасный день он вскочил на карету в которой ехал этот ужасный — по его мнению — человек, чтобы провести на практике свой план.

Но когда он увидел перед собой беззащитную кучу мяса, — как выразился потом он, увидел Примо де Ривера испуганного, неспособного оказать сопротивление, он из "жалости" его не убил, хотя — он хорошо это знал — он все равно был одинаково наказан.

Это — да, и мы это не устанем повторять и утверждать, есть акт анархиста.

Похожи ли хоть чем нибудь акты, совершенные за последнее время в Буэнос Айресе, на вышеуказанные?

Ничем. Первые были совершены во имя справедливости, жертвы были избранные, и авторы этих актов являлись как бы выразителями ненависти народной к некоторым деспотам и встречали сочувствие в этих массах; вторые же — акты трусливые, преступные, совершенные больше из желания убить, чем вследствие человеческой чувствительности и душевного возмущения, и вызывали ненависть и отвращение в народе.

Первые — если даже с ними и не согласен — могут быть оправданы; вторые же мы осуждаем как нечеловеческие, ненужные и вредные.

И в самом деле, какую пользу можно извлечь из подобных террористических актов? Могут ли они хотя бы быть оправданы, как революционная мера, как протест или как выражение чувств благородных и возмущенных?

— Ни одно, ни другое.

Проанализируем некоторые из них, и не уходя далеко, возьмем к примеру акт 23 мая этого года. Один, в итальянском консулате, другой — в аптеке в Ла Бока. Мотивы? Последствия? Много мертвых и большое количество раненных. Еще больше, жертвами были люди, которые ничего общего не имеют с фашизмом, если бы даже хотели приписать этот акт антифашизму. Это — люди, которые шли туда по делам, как могли бы прийти мы, или кто бы то ни было другой.

Разве может идеалист совершить подобное преступлениие? Может ли человек который борется за общество в любви, в братстве и человеческой свободе, убить столько невинных людей, среди них женщин и детей, таким ужасающим и жестоким образом, только для того, чтобы не рисковать своей жизнью или свободой?

Это может только сделать любой преступник, любой убийца по профессии, но человек идей, **и еще больше, сознательный анархист, никогда.**

Мы, анархисты, уважаем, больше чем кто бы то ни было, человеческую жизнь и с большим правом чем кто бы то ни был осуждаем этот акт **и утверждаем что он не может быть актом анархистов;** и когда нас обвиняют, что мы — авторы подобных актов, то этим доказывают полное незнание нашего идеала.

Что мы возмущенцы, что мы недовольны современным положением вещей и боремся за лучший мир, мы этого не отрицаем, да это заявляли достаточно громко, но что мы — бандиты, убийцы, способные убить беззащитных и невинных людей и что у нас руки запачканы кровью, против этого мы протестуем. Отдельные личности, называющие себя анархистами, или даже будучи таковыми, могут совершить кровавый акт, но это будет актом следствия их темперамента, а не их идеала анархизма.

Ни в какой книге, газете или журнале с антиавторитарными тенденциями вы не найдете ничего что бы возбуждало к преступлению и к убийству.

Критикуя современный строй, который базируется на неравенстве и несправедливости и который держится на убийствах и преступлениях, мы пропагандируем гуманитарный идеал и боремся за общество основанном на любви и взаимной помощи людей; общество в котором не должно быть ни бедных, ни богатых и в котором все бы трудились по своим способностям и получали бы по своим потребностям. Есть ли что нибудь преступное в этом? что нибудь что может привести к преступлению и убийству? И если нет ничего противочеловеческого в анархизме, почему же хотят приписать нам подобные акты?

Прошли уже те времена, когда думали что уничтожением одной личности можно будет совершить социальную революцию. Мы сейчас вполне убеждены что только вполне определенная пропаганда в народе нас приведет к желанной цели, а не террористические акты и еще меньше такие как акт в итальянском консульстве и т. п., которые даже не суть акты террористические, а преступления жестокие и зверские.

Авторы подобного акта не могут быть среди анархистов, как анархисты не могут быть среди убийц и преступников: это—две психологии окончательно различные.

Самое подходящее поле действия для таких типов это — фашизм и националистические и патриотические организации, там где не проповедуется ничего больше как ненависть, преступление и убийство, и мы уверены, в виду родственности этого акта с другими фашистскими актами, что этот акт ими был организован.

С. Данев.

(Из Ла Протеста)

КОНЬ БЛЕДНЫЙ.

Хочу быть таким, каким никогда я не был,
Чтобы тело, как ветерь, глаза, как огонь...
Эй! Конь Революции! Пламенный Конь!
Топчи копытами небо.
А. К. "Бого - Конь".

Я видел Бледного Коня,
Восставшим в утренние дали,
И мысли быстрые меня
На волнах вечности качали.
Провидел я предвечный бег
Земли копытами помятой
И, обратясь к людской судьбе,
Отвергнул гнет ее проклятий
И осудил нелепый Рок
Судом неотомщенных болей,
Представ пред Властью, как пророк
Со злой и бунтопьяной волей.
Бежал в дремучие леса,
Бродил средь сумрачных ущелий,
Везде учил и возвещал
О нарождающейся Цели,
О светлой ярости Коня,
О животворном даре гнева.
Любовно голову склоня,
Я расточал свои напевы,
И в робком лепете зари,
Учуяв жертвенное ржанье,
Взывал к душе своей: Гори,
Гори без мук и содроганья!
Из недр земли выходит Конь,
Грозой копыт дробящий сушу,
Ниспосылающий Огонь
На холодеющую душу.
Греми, подземная гроза!
Тебя я жду, тебя приемлю
Пролейся, пламная роса,
На остывающую землю!
И все вокруг себя зажги
И осени мои мозги
Блуждающим и ярким светом,
Всеобновляющим обетом!
Пророк земли, у ней молю
С сыновней лаской и смиреньем:
Ты жизнь бродяжную мою
Наполни яростным гореньем.
О сделай так, чтоб я пронес
Чрез искушенья и преграды
Светильник возмущенных грез,
Души бунтующей лампаду!
Мольбы мои звучат, как медь,
А песни отливают сталью
Хочу я в мире прогореть
Метущимся огнем и палью.
Пусть вечно топчет Бледный Конь
Покорную земную сушу!
Пусть яркий творческий Огонь
Испеляет тихо душу!

Анатоль Консе.

П. А. КРОПОТКИН.

Идеалы и действительность в Русской литературе.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ.

Антон Павлович Чехов.

Из всех современных русских писателей, А. П. Чехов, (1860 — 1904) без всякого сомнения, — самый оригинальный в широком смысле этого слова. Оригинальность его заключается не только в его стиле. Как у всякого великого художника, стиль его, естественно, отражает его личность, но Чехов никогда не пытался поразить своих читателей стилистическими эффектами; такая искусственность, без сомнения, была ему противна, и писал он с такой самой простотой, как Пушкин, Тургенев и Толстой так же не выбирал он каких либо особенных тем для своих очерков и набросков, ни изображал в них какой либо определенный класс людей. Напротив: очень мало писателей могут гордиться таким обилием картин, взятых из всех классов русского общества во всевозможнейших фазах и столь различных положениях. И со всем этим Чехов ввел, как это заметил Толстой, нечто свое в искусство: он открыл новый источник не только для русской, но и для мировой литературы и поэтому он принадлежит всем народам. Его ближайший родственник — Гюи дэ Мопасан, но родственная аналогия между обоими писателями заключается в некоторых лишь коротких рассказах. Чеховская манера писать и особенно то настроение, которое живет в его коротких набросках и драмах — всецело его оригинальность. Более того, замечается в произведениях обоих писателей та самая разница, существующая между теперешней Францией и Россией того особенного периода развития, через который мы прошли в последние 20—30 лет.

Биография Чехова может быть рассказана в немногих словах. Родился в 1860 г., в Таганроге, на юге России. Дед его был крепостным, но, обладая замечательной способностью к торговле, освободился от своего барина, и отец Чехова уже был купцом. С детства Чехов получил хорошее образование, вначале в местной гимназии и позднее в Московском университете. "В то время я не был хорошо осведомлен о различных факультетах — писал он позднее в автобиографической заметке — и не могу теперь вспомнить почему именно я выбрал медицину, но никогда я не раскаивался в этом выборе". Никогда Чехов не практиковал медицины, но его деятельность втечение одного года в маленькой земской больнице, вблизи Москвы, и его медицинская практика, когда он добровольно предложил себя в качестве земского врача во время эпидемии 1892 г., поставили в сношения с целым миром людей самых различных характеров и, согласно его собственному замечанию, его знание естественных наук и научного метода мышления многим послужили ему в его дальнейшей литературной деятельности.

Деятельность эту Чехов начал довольно рано. Уже в первые годы студенческой жизни, т. е. в 1879 г. стал он писать коротенкие юмористические рассказы для некоторых еженедельников под псевдонимом **Чехонтэ.** Талант его быстро развился и симпатия с которой печать встретила первый сборник его расказов, равно как интерес, проявленный лучшими русскими критиками о молодом писателе, без сомнения способствовали тому, чтобы придать более серьезное направление его творческому гению. По мере того, как шли года, разбирал он самые глубокие и сложные жизненные проблемы, и в то же самое время форма его произведений делалась с каждым разом все красивей и обработанней. Когда Чехов умер, в 1904 году, в возрасте 44 лет, талант его достиг своей полной зрелости. Его последнее произведение, драма, содержит поэтические черты столь изящные, и поэтическая грусть так перемешана в ней с жаждой радостей полной жизни, что казалось, будто начинается новая фаза в его работе; но уже было известно, что чахотка быстро подтачивала его жизнь.

Никто как Чехов, достиг описать неудачи человеческой природы в нашей современной цивилизации; и особенно неудачу и банкротство цивилизованного человека перед лицом низости, окружающую всю ежедневную жизнь. Это поражение "интеллигента" Чехов рисовал с удивительной силой, на различный и впечатлительный лад. И в этом— характерная черта его таланта.

Читая наброски и рассказы Чехова в их хронологическом порядке, с первого момента чувствуется в нем писатель, переполненный жизненной энергией и юношеским весельем. Рассказы, по обыкновению, очень коротки; многие не длиннее трех, четырех страниц, но все они обладают заразительным весельем. Некоторые из них только фарсы, но читая их нельзя удержаться от сердечного смеха, так как даже самые смешные и невероятные написаны с неподражаемым очарованием. А потом, мало по малу, вкрадывается в веселый смех, черта безжалостной вульгарности кого либо из персонажей, и чувствуется, что сердце автора сжимается от боли. Потихоньку, постепенно, мотив этот возвращается все чаще, все более и более привлекает внимание, перестает быть случайным, делается органическим, наконец, подавляет все остальные в каждом наброске, в каждом рассказе. Передает ли автор безразсудность одного молодого человека, старающегося "только в шутку" убедить девушку в своей любви, рисует ли отсутствие самых простых человеческих чувств в семье старого професора, повсюду звучит та самая нота безчувственности и низости, то самое отсутствие утонченной человеческой чуткости или, что еще хуже, полный духовный и нравственный банкрот "интеллигенции".

Героями Чехова являются люди, которые никогда не слышали более красивых слов или которые никогда не постигли высших идей, чем то, что в ходу в самых низких филистерских слоях; слыхали они такие слова, и было время, когда слова эти находили отклик в их сердцах. Но низменная ежедневная жизнь задушила эти чувства, скука овладела ими и ничто им не остается больше, как неуверенное существование в кругу безнадежных ничтожностей. Упадок, обрисованный Чеховым, начинается с потери веры в собственные силы и в прогрессивной потере всех светлых надежд и мечтаний, что составляют прелесть всякой деятельности; а потом, шаг за шагом, низменность эта уничтожает все источники жизни: остаются лишь разбитые надежды, истерзанные сердца, надорванные силы. Человек доходит до той степени, в которой может лишь механически повторять известные ежедневные поступки, и ложится довольный тем, что кое как "убил" время. Таким образом, мало по малу, погружается в полную духовную апатию и нравственный индифферентизм (безразличие). Хуже всего то, что обилие примеров, которые Чехов, не повторяясь, приводит из самых различных социальных слоев, казалось, говорили читателю, что то, что автор обнаруживает есть гниль цивилизации целой эпохи.

Заявление—Протест Ольги Таратуты в Одесское Чека.

Анархисты в России, как это известно, — вне закона. Анархисты преследуются и лишены всякой возможности, не только пропагандировать свои идеи, но даже высказывать открыто свое мнение о чем бы то ни было.

Во время нашумевшего дела Сакко и Ванцетти, коммунисты не позволили анархистам, не только высказать с трибун или на собраниях свое возмущение, хотя сами на весь мир кричали против преследования и казни этих мучеников, но даже не разрешили отправить телеграмму - протест, подписанную некоторыми известными анархистами, заграницу.

В связи с подобным лицемерием коммунистов, анархисты в России выпустили прокламацию п о д п о л ь н у ю, в которой, протестуя против сев. американской плутократии, сказали правду и о лицемерии и двуличии большевиков, протестующих против казни анархистов в Соединенных Штатах, а сами, в то же время преследуют анархистов в России и замучивают их по тюрьмам и ссылкам.

В связи с этими прокламациями, был арестован анархист Варшавский.

По этому то поводу и пишет Ольга Таратута свой протест в Одесскую Чека.

"... Сводя свои счеты, вдоль и поперек, с анархистами - идеалистами "виновных" или невинных, почему вы вы казываетесь такими подлецами? Если вы убеждены в вашем праве гноить в ваших тюрьмах анархистов, почему же вы так волнуетесь, когда говорят или пишут об этом публично? Если воззвание анархистов (протест против осуждения Сакко и Ванзетти и раскрытие красивых дел советского правительства, преследующего товарищей Сакко и Ванзетти в России) есть преступление, почему же вы меня не арестовали тогда? Если два экземпляра, найденные у меня не — преступление, почему же вы арестовали этих двух товарищей, которые — вы это знаете — непричастны ко всему этому?

Постыдные бесконечные преследования анархистов в течении последних десяти лет, сделали из вас преступников, и это с точки зрения законов, которые вы сами создали. По этому параграфу вашего свода уголовных законов вас нужно было бы судить за лишение свободы двух анархистов, которых вы держите у себя в Г. П. У. уже более шести недель, не пред'явив им никакого определенного обвинения? Вы скажете, что вы их арестовали в связи с другим делом, — ложь! Ваша прекрасная политика — хорошо известна. Содержание прокламации не давало достаточных мотивов, чтобы арестовать Ольгу Таратуту, арест, который вызвал бы хороший скандал для вас, как в России, так и заграницей; но так как вы боитесь чтобы прокламация распротранилась среди масс, вы решили отомстить на этих двух невинных жертвах.

Но я категорически заявляю, что этот скандальный и несравнимый факт станет известен рабочим.

Вы можете быть уверены, что я использую все возможные и невозможные средства, чтобы массы услышали мой голос. Я хорошо знаю последствие которое может иметь это мое заявление. Средства употреблявшиеся Николаем вторым не спасли его от неизбежного конца. Вы также не убьете идеи тюрьмами и штыками. Что касается меня, мне это окончательно безразлично, бросите ли вы меня в свою маленькую тюрьму вместо этой большой тюрьмы, каковой является теперь советская Россия.

....Ольга Таратута.

из "Ле Комба" № 32 (Бельгия).

Письмо из России.

Ниже мы печатаем письмо, которое мы только - что получили из России от одного нашего товарища, имени которого мы здесь, по понятным соображениям, сообщить не можем. Письмо это дает подробную и интересную информацию.

Март, 1928 г.

Друзья!

Надеюсь, что это письмо дойдет до вас благополучно. Сообщаю вам здесь кое - какие сведения, которые могут вам быть полезными. Речь идет о здешних гонениях на нашего брата. Вот то достоверное, что мне известно о некоторых товарищах.

В **Ахтюбинске** отбывает ссылку **Е. Лебедев,** студент из Украины, анархист, индивидуалист, переведен из **Кзыл - Орды** в 1927 г.

Марк **Нехамин** все еще в **Акмолинске.**

Михаил **Батурин,** анархист, переведен из **Ташкента в Акмолинск.**

А. Садлина, анархистка, сослана в **Онегу,** Архангельск. губ.

В **Кзыл - Орде** находятся сейчас следующие анархисты:

Г. К. Орловский, анархо - синдикалист, отбывал каторгу при царизме.

Т. Хорьков, булочник, из **Ленинграда.**

Зина **Гуревич,** студентка.

П. Яковлев, студент, отбывал заключение сначала в **Соловецком,** а потом в **Верхне - Уральск.** политизоляторе. С Июня 1927 г. в **Кзыл Орде.**

Таня **Герасева** переведена сюда по болезни (туберкулез легких) из **Верхне - Уральск.** пол. - изол. Сестра ее, Анна **Герасева,** тоже анархистка, отбывает заключение в том же изоляторе. Ее брат тоже в ссылке.

О. Дессен, врач из **Севастополя.**

В **Минуссинске,** отбывают ссылку 7-ро анрх.:

Бассович, Микаев, Ростовцев, Миша, Николай Беляев, Рувинский (отбывал заключение в **Соловках** и в **Верх. - Уралск.** полит. - изоляторе, откуда выбыл 19|12 1927 г.) и **Панфилов** (тоже прошел **Соловки** и **Верхне - Уральск.** изолятор).

С. Модин, анархист, рабочий Ижемского завода. Отбывал срок в **Соловках.** Сейчас сослан в **Хикмент.**

Куликов, анархист, плотник, отбывает срок в **Кзыл - Орде.**

Антон **Шляховой** заключен в **Верхне-Уральск.** политизолятор.

Виктор **Сергеев — Тюмени.**

С. Зильберг, анархо - синдикалист, сослан в **Тверь.**

Рахиль **Шапиро** — отправлена в **Минуссинск.**

Елена **Сазанович,** анархистка, студентка переведена из **Ирбита в Самарово,** Тобольск. окр.

Варшавский, анархист, приговорен в 3-м годам заключения в **Суздальский** полит. - изолятор.

Двенадцать рабочих - анархистов приговорены к 3-м годам заключения в **Соловки** за то, что во время протеста против Сакко и Ванзетти они протестовали и против иппокритства большевиков.

Рябинин, левый с. р., отбыл срок в **Верхне - Уральск.** полит. - изоляторе. В сентябре 1926 г. был сослан на **Урал,** бежал, вновь арестован и с декабря 1927 г. снова в **Верхне - Уральск.** полит.-изоляторе.

Аля **Лилиенталь,** анархистка из **Ленинграда,** арестована за переписку с друзьями за - границей. Сослана на 3 года в **Казакстан.** 28-го февраля с. г. прибыла в **Петропавловск.**

Отто **Ритовский,** молодой анарх. индивидуалист, в 1925 г. пытался покончить самоубийством в виде протеста против режима в **Верхне - Уральск.** полит. - изоляторе, но случайно был спасен другими полит. заключенными. Кончил срок в **В. Уральск.** полит. - изоляторе и получил ссылку в Тобольск. губ.

В. Постников, анархист, отбывал заключение в **Соловках,** кончил срок в **В. Уральск.** полит. - изоляторе в ноябре 1927 г. В настоящее время сослан на **Урал.**

И. Нестроев, левый с. р., кончил срок в **В. Уральск. пол.** изоляторе и сослан в **Краснококшайск.**

Михаил **Всеволожский** арестован в **Саратове** осенью 1927 г. и заключен в **В. Уральск.** пол. изоляторе

ВЕРХНЕ - УРАЛЬСКИЙ ПОЛИТ. - ИЗОЛЯТОР.

В Верхне - Уральск. полит. - изоляторе числилось в январе 1928 г. 189 полит. заключенных (среди них 25 женщин). По группировкам было: 80 с. д., 60 сионистов, 30 анархистов, 12 правых с. р. и 7 левых с. р. Режим ужасный. Заключенные втечение всего дня заперты в своих камерах. В уборную им разрешается выходить только 2 раза в день. Заключенным не разрешается передавать свои книги товарищам по заключению. Раз прочитанную книгу заключенные должны передать в тюремную библиотеку. Заключенные ограничены в своей корреподенции. Разрешается им всего по 6-ти писем в месяц и то только ближайшим родственникам. Даже газеты они не могут передавать друг другу. И поэтому они вынуждены выписывать все одни и те же газеты, тратя таким образом те немногие средства, которые имеются в их распоряжении. Родные или друзья не имеют права передавать заключенным книги. Последние допускаются только в том случае, когда они посылаются прямо из книжного магазина.

Заключенные не имеют права... ни любить, ни жениться — даже по окончании срока. Г. П. У. обыкновенно рассылает таких людей в **разные** места. Напр., **Рувинский,** анархист, и его подруга **Гушанская** кончили срок в **В. Уральск.** полит. - изоляторе одновременно и были сосланы — первый в **Минуссинск** (Сибирь), а вторая — в **Казакстан.**

Эта политика Г. П. У. вызвала уже много голодовок. Первая такая голодовка была об'явлена анархистом **Белянкиным** в 1926 г. Результатом этой голодовки было жестокое избиение почти что всех полит. - заключенных в **В. Уральск.** полит. изоляторе. Тов. Белянкин голодал 18 дней, после чего к нему начали применять искусственное питание. И так как это вызвало протест со стороны всех полит. - заключенных, то... отряды чекистов и солдат ворвались в камеры и начали избивать заключенных, срывая с них платье и всячески издевались. Втечение 3-х дней — с 31 окт. по 2-ое ноября 1926 г. — заключенные оставались голыми на голом полу и без пищи. Результатом этого избиения явилась смерть 2-х эс - деков **Смирнова** и **Лихченского.** Кроме того, анархистка Рая **Шульман,** отбывавшая заключение вместе со своим мужем **Долинским,** не выдержав этих мучений, психически заболела. Втечение 3-х дней безпрерывно она громко плакала в своей камере. После этого администрация

Говоря о Чехове, Толстой сделал верное указание, что он один из немногих писателей, чьи рассказы с удовольствием перечитываются несколько раз. Это правда. Каждый из чеховских рассказов, будь то незначительный набросок, коротенький рассказ или драма, производит впечатление, которое не легко забывается. В то же время каждое его произведение содержит такое количество деталей, блестяще подобранных для усиления впечатления, что, перечитывая вновь, испытывается новое наслаждение. Решительно Чехов был великий художних. Разнообразие принадлежащих ко всем классам мужских и женских типов, изображенные в его произведениях и многообразие психологических тем, поистине, изумительно. И несмотря на это в каждом рассказе до того отпечаталась личность автора, что даже в самых незначительных узнается Чехов с его собственной индивидуальностью и характером, с его пониманием людей и вещей.

Чехов никогда не пробовал писать больших повестей. Его стихия — короткий рассказ, в котором он был настоящим виртуозом. Никогда он не берется предложить полную историю своих героев от колыбели до могилы: это не путь свойственный короткому рассказу. Чехов берет только один момент из жизни, один эпизод, и выставляет его так, что представленный человеческий тип навсегда запечатлевается в памяти читателя, и позднее, когда читатель встречает живой экземпляр этого типа, он невольно восклицает: но это же "Иванов" Чехова или "Душенька" Чехова.

На небольшом пространстве двадцати страниц и в границах одного только эпизода, развертывается сложная психологическая драма, целый мир взаимоотношений. Возьмем, например, короткий и выразительный рассказ "Случай из практики врача". Это рассказ в действительности, бедный действием. Врач был позван к больной девушке, мать которой владеет большой бумажной фабрикой. Живут в барском доме, окруженном стенами высоких фабричных корпусов. Девушка — единственная дочь, и мать обожает ее. Но она не счастлива; мучат ее неясные думы, и она задыхается в той атмосфере. Мать тоже несчастна, потому что дочь не счастлива, и единственное счастливое лицо в доме это бывшая гувернантка девушки, которая живет теперь в доме с ними, как компаньонка. Единственно она на деле наслаждается хорошо поставленным домом, роскошью и хорошим столом. Доктор приглашен провести с ними ночь и, беседуя с своей пациенткой, страдающей бессоницей, говорит ей, что она вовсе не обязана оставаться там, что человеческое существо, искрённо лелеющее хорошие намерения, всегда может найти место в мире, где окажется деятельность по душе. На следующий день, когда доктор уезжает, девушка, одетая в белом и с цветком в волосах, идет провожать его. Она серьезно глядит на доктора, и читатель угадывает, что она думает о новой жизни. В тесных рамках этого маленького рассказа, открывается перед глазами читателя целый мир сытой обывательской жизни без желаний, жизни фабричной и мир новых чаяний, который с силой врывается туда и находит поддержку извне. Все это вытекает из маленького эпизода. С прозрачной ясностью видны трое главных действующих лиц, на которых автор на миг сосредоточивает свет. А в туманых очертаниях, которые скорее угадываются, чем видны, в глубине картины вокруг живо освещенной группы открывается целый мир сложных человеческих отношений, столько же в описываемый момент, как и в будущем. Отнимите что нибудь от яркости освещенных фигур или добавьте более выраженные черты фона, и картина пропадет. Таковы почти все истории Чехова. Даже имея 50 страниц, не теряют этого характера.

Чехов писал также некоторые очерки из деревенской жизни. Но крестьянство и деревенская жизнь не были его стихией.

Его настоящее владение это мир "интеллигенции" — образованные и полуобразованные круги русского общества — и этот мир он знает в совершенстве. Указывает его банкротства, его неспособность для решения великих исторических задач обновления, выпавших на их долю, и низость каждодневной жизни, в которой прозябает большое количество их. Со времен Гоголя ни один писатель не обрисовал с таким совершенством в России человеческую низость в ее различных формах; и несмотря на это, какая разница между этими двумя писателями! Гоголь рисовал главным образом внешнюю низость, которая бросается в глаза и имеет зачастую вид фарса, вызывающего в большинстве случаев улыбку или хохот. Но смех всегда служит шагом к примирению. Чехов заставил смеяться в своих первых рассказах, но по мере того, как он выростал и стал серьезнее смотреть на жизнь, исчезает смех, и хоть и остался приятный юмор, все же чувствуется, что формы низости и мещанства, которые он описывает, вызывают не смех у автора, а боль. "Чеховская Скорбь" так характерна в его произведениях, как глубокая складка его доброго лица с живыми и задумчивыми глазами... Кроме того, низость, которую рисует Чехов, отлична от той, которую знавал Гоголь. В глубине души современного культурного человека возникают более глубокие конфликты, о которых Гоголь 70 лет тому назад ничего не знал. Чеховская боль соответствует тоже более чувствительной и утонченной природе, чем природа скрытых слез сатиры Гоголя.

Лучше, чем всякий другой русский писатель, понял Чехов главный недостаток этой массы русских "интеллигентов", видящих очень хорошо темные стороны русской жизни и дар самопожертвования для присоединения к маленькому меньшинству молодежи, осмеливающейся действенно бороться против зла. В этом отношении можно поставить рядом с Чеховым только одного писателя, женщину: Хвостинскую (псевдоним — Крестовская). Чехов знал и больше, чем знал: чувствовал — чувствовал каждым нервом своей поэтической натуры — что действительное проклятие русского "интеллигента", за исключением небольшого круга сильных мужчин и женщин, это слабость воли, отсутствие сильных и страстных желаний. Может быть, он и сам это чувствовал. И когда (в 1894 г.) его спросили в письме: "Чего должен желать русский в переживаемую эпоху?" Он писал: "Вот мой ответ: Хотеть! Больше всего должен хотеть иметь сильный характер. Мы уже пресыщены этой плаксивной нерешительностью".

Это отсутствие сильных желаний и это слабоволие он постоянно описывал в лице своих героев. Но эта склонность к описанию подобных характеров не была чистой случайностью его темперамента, а прямым результатом эпохи.

Чехову, как мы уже видели, было только 19 лет, когда он начал писать в 1879 г. Поэтому он принадлежит к поколению, которое должно было провести свои лучшие годы под давлением реакции, придавившей все, что переживала Россия во второй половине 19-го столетия.

С практической смертью Александра 2-го и вступлением на престол сына его, Александра 3-го, окончательно закрылась целая эпоха, эпоха прогрессивных работ и блестящих надежд. Все возвышенные попытки того молодого поколения, вступившего на политическую арену в семидесятых годах и поставившего своим девизом, "быть с народом!" рухнули, и жертвы этого движения изнывали по тюрьмам и ссылкам в снежных сибирских степях. Да и более того.

(С испанского **В. Л.**)

(Окончание следует)

вынуждена была отправить ее в Москву для лечения. Там ее поместили в Бутырскую тюремную больницу. Летом 1927 г. она была возвращена в В. Уральск. полит. изолятор, как "совершенно - выздоровевшая", но она еще далеко не здорова и тюремный режим, конечно, может очень плохо повлиять на ее рассудок.

Клара **Федермеер,** анархистка, голодала 17 дней, требуя ссылки в то же место, куда был сослан ее муж. В результате администрация поддались и она была отправлена в Ярославль со своим мужем.

Один с. - д. голодал 18 дней, покуда ему разрешили переписываться со своей женой.

Когда анархисты в В. - Уральском полит. - изоляторе узнали о казни Сакко и Ванзетти, они об'явили однодневную голодовку в виде протеста против этого преступления.

ИЗБИЕНИЕ В ИХМЕ.

В одном из ваших бюллетеней сообщалось об ужасном избиении, устроенном чекистом Дроздовым в Ихме. Двое сионистов, которые были в то время избиты, были после этого переведены в тюрьму Г. П. У. Их имена — **С. Айзенберг** и **Карабчинский.** Последний был так избит, что психически заболел. Переведенный затем в В. Уральский полит. изолятор он был впоследствии сослан в Сибирь.

4 анархиста - студента в Тобольской тюрьме — **Вольский (Дубровский), М. Громов (М. Дикий),** Сергей **Соколов** и **А. Шехтман —** опубликовали в "**Правде**" письмо, в котором заявили, что отказываются от своих анархических" взглядов (см. "Правда" от 18|1 1928). Они заявляют, что причины банкротства анархизма не во внешних условиях, а в сущности самого анархизма" и, что единственная и т. д. и т. д. — это компартия. Конечно, они были за это освобождены, прибыли в Москву и получили 1000 рублей за обещание написать книгу об ошибках анархизма. Деньги выплачены им из секретного фонда Г. П. У. в награду за их предательство.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОППОЗИЦИИ в Р. К. П.

Оппозиция Р. К. П. сейчас разделяет участь других партий. **В. М. Смирнов** сослан в **Березово.** Это историческое место ссылки, открытое еще Петром Великим. Известный коммунист **Смилга** находится в деревне **Тагур,** Нарымского края. Это уже четвертая его ссылка — три ссылки он отбывал при царском режиме. **Раковский** сослан в **Астрахань, Преображенский** — на **Урал. Троцкий** — в**Альма - Ата. Смирнов** — на **Север.** Интересно отметить, что Г. П. У. выдает ссылным оппозиционерам по 30 р. в месяц, а др. политич. ссыльным, только по 6 р. 25 коп. в месяц.

ПОСЛЕДНЕЕ СООБЩЕНИЕ.

Вы наверное уже знаете о трагедии в **Хиве.** 17-го февр. молодой сионист **Бронштейн,** племяник Троцкого, был **зверски убит в местной тюрьме начальником последней.**

Все остальные политич. заключенные были жестоко избиты и двое из них были высечены розгами. Подробности еще неизвестны.

"ФОНД ПОМОЩИ (при М. Т. Р.) ЗАКЛЮЧЕННЫМ И ССЫЛЬНЫМ АНАРХИСТАМ И АНАРХО - СИНДИКАЛИСТАМ в РОССИИ."

Адрес: A. S. Bergman, 120, Rue Tabére, 120. St. Cloud (S. et. O.) Francia.

Музей Кропоткина в Москве.

Н. К. Лебедев. Музей П. А. Кропоткина. Издание Всероссийского Общественного Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина. Ленинград - Москва. 1928 г. 80 стр. С рисунками 50 коп.

Н. К. Лебедев. П. А. Кропоткин. ("Биографическая Библиотека"). Госуд. Изд. 1925 г. 96 стр. 25 коп.

Н. К. Лебедев — один из основателей Кропоткинского Музея, секретарь Кропоткинского Комитета, автор многих прекрасных популярно - научных книжек по естествознанию, автор "Истории синдикального движения во Франции". (написана совместно с Критской). Н. Лебедев — втечении целого ряда лет был близок к покойному П. А. Кропоткину и имел случай близко изучить материалы, его касающиеся и до сих пор еще не изданные. Кроме того, что особенно важно, обе брошюры Н. Лебедева, названия которых мы выписали выше, проникнуты глубокой и искренней любовью и уважением к этому великому человеку. Обе они прекрасно написаны, ясно, отчетливо, простым, популярным языком и не имеют ничего общего с той, якобы болтовней, насыщенной неясными терминами, какая преизобилует во многих "популяризациях". Любовь и уважение к Кропоткину чувствуется на каждой странице, равно как и понимание его великих идей, и знание всех его ученых трудов.

Музей имени Кропоткина существует в Москве с 9 Декабря 1923 г. Он создан трудами Кропоткинского комитета, в котором очень деятельное участие принимал и принимает тот же Лебедев. Почетной председательницей комитета состоит вдова покойного Кропоткина, Софья Григорьевна, а председательницей — Вера Николаевна Фигнер, кристально чистое имя, которой золотыми буквами записано в истории русского освободительного движения. Так как Кропоткин был не только революционер - анархист, но и всесторонний ученый и общественный деятель, основатели Музея вполне правильно решили, что для наилучшего освещения и изучения жизни, деятельности и творчества П. А. Кропоткина, организация увековечения его памяти должна носить широко **общественный** характер. Музей было решено устроить в одном из трех домов, которые когда то принадлежали Кропоткину, а именно в доме № 26 по Штатному переулку, который был переименован в Кропоткинский. Именно в этом доме Кропоткин родился и провел свои детские годы. Основным ядром музея послужили коллекции, фотографии, рисунки, рукописи, заботливо сохраненные вдовой покойного и переданные ею Комитету Музея. Затем в него поступил целый ряд других ценнейших предметов и документов, в том числе семейные портреты, значительная часть личной библиотеки Кропоткина, перевезенная из Англии, где он провел столько десятков лет, его архив, его черновые рукописи, некоторые предметы обстановки его рабочего кабинета. В Англии тоже образовался Комитет содействия Кропоткинскому Музею, с участием Бернара Шоу и Герберта Уэльса. Из Англии и из Америки поступили на поддержку Музея некоторые денежные средства.

В настоящее время Музей занимает уже восемь комнат и все увеличивается Одна из комнат представляет точную копию рабочего лондонского кабинета Кропоткина. Одной из особенностей Музея является то, что он существует **без всякой поддержки государства,** отношение к которому со стороны Кропоткина известно. "Стремясь следовать духу учения Кропоткина, верившего в свободное творчество народа и считавшего основным принципом жизни **добровольное** сотрудничество и кооперацию", комитет правильно решил, "что создание Кропоткинского Музея должно быть делом **исключительно общественным и международным,** и не иначе как плодом добровольного сотрудничества, всех, кто хранит благоговейную память о великом революционере".

Брошюра Лебедева о Музее представляет собой краткий путеводитель, очень оригинально и целесообразно и с большим знанием дела и любовью составленный: описание его 8 комнат есть вместе с тем жизнеописание Кропоткина, а предметы, выставленные в данной комнате, иллюстрируют каждую страницу и строчку этой превосходно составленной брошюры. Адресс Музея (откуда можно и выписывать брошюры Лебедева) таков: Москва, Ул. Кропоткина Кропоткинский пер. д. 26.

Н. Рубакин.

Письмо из Болгарии.

Дорогой Я.!

Письмо твое получил через 15 дней после нашего освобождения из тюрьмы и через несколько дней после катастрофального землетресения. В тюрьме нас было 9 человек — 7 мужчин и 2 женщины, одна из которых — мать 6-ти детей. Задержали нас 9-го августа 1927 г. Дело наше рассматривалось 26-го марта 1928 г. и продолжалось целую неделю — до 31-го марта —, после чего нам прочли решение суда, вынесшего всем нам полное оправдение. Но так - как прокурор заявил, что оставляет за собой право одно - месячного срока для протеста, то нас освободили под залог от 1000 до 5000 лв. Освободили нас потому, что мы не совершили никакого преступления, которое подлежало бы наказанию—даже и по такому исключительному закону, каким является пресловутый "Закон Защиты Государства". Для двоих из нас прокурор требовал смерти, для 4-х других — от 5 до 10-ти лет тюрьмы, а для 3-х остальных — до 3-х лет заключения, но **ни малейшего факта** деяний, преследуемых по вышеназванному закону, **не было.** Благодаря зверскому избиению, которому нас всех подвергли, полиция исторгла у некоторых из нас какие - то "самопризнания", но последние пред следственными властями, как и пред судом, конечно, отрицались. И только на основании этих насилием исторгнутых "показаний", прокурор составил обвинительный акт и требовал для нас вышеупомянутого наказания.

Ни у кого из нас не нашли ни оружия, ни компрометирующих документов, что дало бы им право считать нас "организацией, поставившей себе целью совершать террор и революцию"... Большинство из нас не отрицали того, что они анархисты, но, конечно, не признавали себя членами несуществующей террористической организации. И так как не было никаких фактических данных для того, чтобы нас можно было приговорить даже к самому малому наказанию, то нас всех освободили. Те восемь месяцев, что мы просидели в тюрьме до суда, немало отразились на нашем здоровьи и нашем материальном положении... И все это только потому, что мы осмеливаемся думать не так, как это угодно правящим.

Не успели мы выйти из тюрьмы, не успели мы, как следует, осмотреться, как разразилось землетрясение. Первоначально оно было особенно сильно только в Чирпане, Борисовграде и в окрестностях этих городов, но вечером 18-го апреля сильные толчки имели место в Пловдиве, Папазли, Садово и многих других городах и селах южной Болгарии. В Пловдиве разрушения очень велики. Согласно оффициальным сведениям, 80% жилых помещений необитаемы. Все население, — не только Пловдива, Чирпана и других городов и сел, пострадавших от землетрясения, но и тех местностей, где толчки были более, или менее, слабыми — все население на открытом воздухе. Люди боятся оставаться в своих полу - разрушенных домах, ибо толчки — хоть реже и слабее, но все еще продолжаются. Все мы без крова и хлеба теперь. Самое важное это уголок под крышей. Последние два дня, погода стоит хорошая. На солнышке люди немного ожили, пришли в себя. Но до этого дождь лил как из ведра. Бараки и палатки, наскоро - сколоченные из досок, одеял и полотен, не могли служить прикрытием от дождя и все мы ежились, промокшие до костей. Положение ужасное, особенно в крайних кварталах, где ютятся, главным образом, бедняки. У них нет ни непромокаемых палаток, ни здоровой пищи. Отпускают им по пол - килограмма хлеба на душу — и только всего. Кое - где построили деревянные бараки, в каждом из которых поместилось от 10-ти до 20 семейств. Некоторым другим выданы полотна и брезенты, но большинство живет в палатках из дырявых одеял и... даже из бумаги! Такие "палатки" не выдерживают, конечно, и самого слабого дождя. Назначены здесь комиссии, на обязанности которых лежит постройка деревянных бараков (тем, у кого дома совершенно разрушены) и выдача полотна (тем, у кого дома только частью разрушены). Но все это делается очень медленно и вряд ли на всех хватит. Картина ужасная — трудно все описать. Нищета и голод нависли над громадным большинством населения. Большая часть табачных складов (главной отрасли производства в наших краях) полу - разрушена и работа в них не скоро будет возобновлена. А ведь в них работало не менее 16.000 человек... Во время землетрясения были и человеческие жертвы. Среди них имеется и один наш товарищ — ученик Садовского Земледельческого училища. Вместе с еще тремя соучениками он погиб 18-го апреля под развалинами училища.

Теперь мы живем на открытом воздухе в дырявых, пропускающих воду палатках и все ждем, чтоб нам дали брезенты, полотна, или доски... Долго еще, видно, придется нам так мытарствовать.... Привет всем друзьям.

Н.

Пловдив 28|4 1928 г.

Адрес Федерации:

Просят товарищей и читателей всю корреспонденцию направлять только по адресу:

N. CHOLOVSKY
Correo Central, Casilla 1752
B. AIRES (ARGENTINA)

Рабочее движение.

ПРОБУЖДЕНИЕ РАБОЧИХ В ГОР. РОСАРИО.

После довольно продолжительного затишья, рабочее движение в Росарио, начало период активной работы в синдикатов. Кровавые дни пережитые рабочими Росарио, в связи с забастовкой портовых рабочих, закончилась полной моральной победой рабочих над реакционными силами страны, хотя она стоила невероятных усилий и ряд жертв. Но это движение дало понять рабочим все значение и силу рабочей солидарности в борьбе за общее дело, ибо сейчас же после вышеупомянутой забастовки, жизнь закипела ключем во всех существующих синдикатах, а где не существовало синдиката, сейчас же принялись за органиизацию такового.

Недавно рабочие синдиката лесопильщиков об'явили всеобщую забастовку рабочих этой индустрии, которая судя по ее развитию, приближается к победе.

Чтобы заставить гордых буржуев пойти на уступки, бастующие рабочие просили помощи у портовых рабочих, которые отказались выгрузить дерево с пароходов адресованное фирмам, где рабочие бастовали.

С'ЕЗДЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ.

В последних числах мая, и в первых июня, состоялись годовые с'езды железнодорожных рабочих организаций.

Как и следовало ожидать, имея ввиду реформистский характер таковых, никаких кроме чисто "семейных" вопросов на с'ездах не разбиралось.

Единственная резолюция обще-рабочего характера, это решение просить освобождения С. Радовицкого.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ.

Полиция старается все время провоцировать революционно - рабочее и анархическое движенвия. После провала с обвинением анархистов в бомбе в итальянском консулате, ищет новую возможность спровоцировать рабочих.

В понедельник вечером 27 Июня полиция сделала налет на рабочий локал булочников на Барталоме Митре 3270, где в то время находилось несколько мирно дискутировавших рабочих, и после обыска во время которого откуда то выискала бомбу, хотя и никуда негодную, переарестовала 10 рабочих и запечатала локал.

Только полицейские ищейки способны верить, что в локале, около которого полиция дежурит днем и ночью, будут прятать бомбы.

Но как и все провокации полиции, и эта, есть не более как желание попугать обывателя и еще раз выставить анархистов как бомбометателей.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ.

Подписный лист № 26 в пользу Голос Труда, из Комодора Ривадавия.

И. Чепас 5.00; Е. Макаревич 2.00; Е. Терский 2.00; Д. Климук 1.00; Б. Максимович 2.00; Н. Жегалов 2.00; В. Камновский 2.00; М. Емельянчук 3.00; И. Черякевич 2.00; И. Кавалеров 2.00; И. Жегалов 5.00; Ф. Кушнер 2.00; Д. Калезник 2.00; А. Ломос 2.00; И. Петрушко 2.00; С. Люсенко 1.00; Л. Богатель 1.00; К. Дмитрук 1.00; М. Пилюцкий 1.00; И. Мацкевич 1.00; А. Холецкий 1.00; Е. Пастух 1.00; И. Сац 1.50; А. Климович 2.00; Ф. Лукашевич 1.00; И. Самородний 2.00; Г. Ярмолюк 2.00; М. Марчук 1.00; В. Гнеп 2.00; Л. Таран 1.00; Г. Адамчук 2.00; И. Когут 2.00; К. Селезнов 1.00; Л. Бухалевский 1.00; Х. Зауличный 5.00; Е. Чернов 2.00; С. Богус 2.00; И. Стриженко 5.00; К. Кушнирук 1.00; М. Журавлев 2.00; Т. Корецкий 2.00; Мария Ястремская 1.00; В. Филинович 1.00; Р. Полищчук 5.00; А. Вакульчик 5.00; М. В. И 5.00; Е. Гоец 1.00; М. Марар 5.00; Ф. Данилов 1.00; Я. Корневский 10.00; Н.Т 6.00;

Итого 120.50 пез.

Союз Р. Р. в Комодоро Ривадавия

Секр. Н. Тельпук.

Подписной лист в пользу Г. Т. выпущен Союзом Р. Р. в Берисcо.

С. Ренгач 1.00; А. Шадурко 1.00; И. Ковальчук 1.00; М. Савеня 1.00; В. Хроловичч 3.00; З. Жданов 2.00; Ф. Бальсис 2.00; Ф. Манзий 1.00; Д. Гураль 2.00; П. Пидкивка 1.00;

Итого $ 15.00

Лист 8-й

И. Данилов 5.00; Ф. Бальсис 5.00; С. Ренгач 5.00; И. Северинчик 2.00; М. Савеня 10.00; И. Ковальчук 1.00; Роков 1.00; Роков 1.00; Косько 1.00; Пац 2.50; Табаченко 2.20;

Итого $ 35.70

Союз Р. Р. в Берисcо

Секр. **С. Р.**